

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР

Аминов А.С.

доцент кафедры мировой литературы РТСУ

«ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ» ВИКТОРА ГЮГО И ВОССОЗДАНИЕ ИХ ПОЭТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ТАДЖИКСКИХ ПЕРЕВОДАХ.

Подлинно новую поэзию Гюго создал в сборнике «Восточные мотивы» (1829). Этот сборник знаменовал полное освобождение от канонов классицизма и утверждал свободу творчества. Гюго сознавал эту свободу не только как свободу выбора, создания некой формы или темы произведения, но и как свободу их трактовки. В «восточных» темах Гюго притягивала не только экзотика с жарким восточным солнцем, и синим небом, с суровыми нравами и жизнью не испорченного цивилизацией «естественного» человека, сохранившего свою первозданную душу, но и возможность создания личного мира, не совпадающего с миром реальным, повседневной прозаической действительности.

Впоследствии Лекант де Лиль, избранный после смерти Гюго во Французскую Академию на его место, в своей вступительной академической речи назвал «Восточные мотивы» «откровением истинной Поэзии для всего последующего поколения»⁶¹.

Одним из первых, кто начал глубоко и всесторонне изучать связи Гюго с Востоком, был французский литературовед Луи Лембо⁶².

В работе Лембо обстоятельно исследуются причины возникновения сборника «Восточные мотивы», выявлены факторы, повлиявшие на идею возникновения названия сборника (по словам автора, Гюго намеревался назвать книгу «Алжирские мотивы»); выясняются первые шаги Гюго к постижению цивилизации Востока и т.д. Однако, в этом глубоко научном труде ничего не говорится о влиянии персидско-таджикской поэзии на

⁶¹ Виктор Гюго . Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Москва: «Издательство Правда», 1988. с.436.

⁶² Шокир Мухтор Персидско-таджикская классическая поэзия во Франции. Душанбе: Деваштич, 2003. с.272-273.

решение Гюго создать этот сборник и на его творчество. Эта тема отдельного научного исследования и мы, оставив её для других ученых литературоведов, в данном исследовании в основном будем говорить об истории вхождения Гюго в таджикскую литературу и особенностях перевода его «Восточных мотивов» на таджикский язык.

Однако, прежде чем приступить к этой работе, мы считаем необходимым подчеркнуть, что в стихотворениях Гюго, посвященных Фирдоуси, Саади и Хафизу прослеживается обращение французского поэта к образам и мотивам персидско-таджикской классической поэзии и это видимо и было одной из главных причин того, что Гюго назвал свой известный сборник стихов «Восточные мотивы». Так, к примеру, одной из главных тем в творчестве Гюго, в том числе и его «Восточных мотивах» является тема борьбы Добра со Злом, которая была центральной темой древнеиранского письменного памятника - «Авесты» и «Шахнаме» Фирдоуси. К тому же мы не одиноки в это своей догадке. Такие известные ученые литературоведы как Н.Д.Самсами и Шокир Мухтор впервые отмечали, что между стихотворением «Галоп Мазепы» Гюго и стихами Фирдоуси из «Шахнаме» о коне Рустама Рахше есть много аналогий.

Действительно многие стихотворения сборника «Восточные мотивы» французского поэта свидетельствуют о том, что дуализм «Авесты» и «Шахнаме» оказал огромное влияние на его творчество.

Гюго живописует Восток наглядно, осязаемо. Читатель узнает много подробностей относительно людей, животных, различных предметов и явлений природы, архитектурных памятников. Мир «Восточных мотивов» поражает необыкновенным изобилием — тем, сравнений, образов. Поэт хочет передать всему миру свою неумную жажду жизни, познания, любви, счастья, поэт как бы хочет «сказать все» о своем поэтическом мире. И этот поэтический мир создается Гюго на «стыке» культур Запада и Востока, литературных и реальных тенденций, идеальных и конкретно-исторических устремлений. В нем соседствуют Библия и Коран, Эсхил и Шекспир, Наполеон и Али-Паша, герои Греции, ребенок, просящий пуль и пороха для борьбы с врагом, и пылкие восточные любовники, морские пираты, воинственные турецкие солдаты и прекрасные купальщицы, смуглые беглянки, томные султанши из гарема. Этот «стык» рождает контрастное восприятие мира, которое выражается у Гюго на всех уровнях: от образов до композиции, до ритмической организации сборника.

Гюго видит и передает свой воображаемый мир как художник, он — прекрасный колорист, у которого цвет, помимо изобразительности, имеет и

символическое значение. В этом Гюго — прямой последователь поэтов суфийской школы символизма. Неслучайно в его многих произведениях, в особенности в «Восточных мотивах», можно встретить суфийские мотивы жизни и смерти, восхождения к Творцу, символику огня и воды. «Восточные мотивы» — это и целая серия этюдов музыкальных: музыкальная импровизация слов более непосредственно передающих чувство, эмоции и движение мысли, как и у танцующих дервишей - Джалалиддина Руми, Аттара, Санай и др.

Музыкальность, как неотъемлемая часть поэзии суфиев проявляется и в самой технике стиха в знаменитых «Джиннах», содержание которых - в самом ритме, в этом «crescendo» и «descrescendo», переданным путем увеличения количества слогов в строке — постепенно от двух до десяти, — а затем обратного их уменьшения. Эта техника, вне всякого сомнения, заимствована Гюго и персидско-таджикских поэтов - его кумиров Саади, Руми, Хафиза, Фирдоуси. Вместе с увеличением строки начинается ужас в стихотворении, он достигает наивысшего предела в десятисложных строках, что было нехарактерно для французской поэзии .

Музыка ритма, рифмы унаследованная от Саади (*к примеру, Эй сорбон, оньиста рон, к-ороми льонам меравад/ В-он дил, к ибо худ доштам, бо дилситонам меравад* - курсив наш -А.А.) оживляет живописные картины Гюго. Стремясь как можно точнее выразить свой мир, Гюго, как и его восточные учителя, живописует словом то, что он видит, словом же передает музыку того, что он слышит, и в этом освобождение поэзии от рационалистической абстракции, приближение ее к жизни. В подробном сочетании слова, музыки и живописи осуществляется романтическая идея о синтезе искусств.

В «Восточных мотивах» поэт на практике осуществляет свой призыв отображать правдиво и многосторонне все, «что существует в истории, в жизни, в человеке...». Его лозунг — «что есть в природе, есть и в искусстве» — отстаивает право художника на свободную фантазию в творчестве: «Поэт должен советоваться только с природой, истиной и своим вдохновением». «Восточные мотивы» решали и проблему «местного колорита», понимающегося как воспроизведение подлинной обстановки действия (эстетика романтизма предваряла некоторые требования романтического искусства), как проникновение в «колорит эпох»⁶³.

⁶³ Холбеков М.Н. Эволюция принципов художественного перевода французской литературы на узбекский язык (В сопоставительном аспекте прозы). Дисс... кандю филол наук. - Ташкент, 1981. с.27-28

Содержание «Восточных мотивов» отдавало заметную дань традиционному романтическому любованию восточной экзотикой, хотя в своей поэтической палитре Гюго нашел для нее совершенно новые, свежие краски; однако не в меньшей степени лицо сборника определяли стихотворения, выражавшие сочувствие национально-освободительной борьбе греков против турок. Поэт прославляет греческих патриотов («Наварин», «Головы в серале», «Канари»), клеймит зверства турецких угнетателей («Взятый город», «Дитя»), призывает оказать помощь греческому народу в его борьбе («Энтузиазм»).

Автор «Восточных мотивов» безусловно, хорошо знал «Шахнаме», так как ряд поэм из этого произведения Фирдоуси был переведен на многие западноевропейские языки. Кроме того, он дружил с Молоем, Ампероном и Сент-Бёвом- знатоками поэзии Востока, читавших стихи персидско-таджикских классиков в оригинале. В «Восточных мотивах» Гюго напоминает Фирдоуси, когда он говорит о борьбе греков с турками. В изображении деяний и поступков героев он часто пользуется возвышенным стилем автора «Шахнаме». «Читая стихи Гюго из его «Восточных мотивов» можно наблюдать, что его герои подобно персонажам Фирдоуси сражаются и борются во имя справедливости и свободы своей родины. В то же время, Гюго как и Фирдоуси, подчеркивает бессилие человека, говорит об изменчивости и непредсказуемости человеческой судьбы»⁶⁴.

В «Восточных мотивах» Гюго одно из центральных мест отводится также *теме любви*, обращаясь к которой он как бы опирается на другого своего кумира и наставника - гения персидско-таджикской поэзии - Хафиза Ширази. Можно предположить, что Гюго задолго до написания «Восточных мотивов» вынашивал в сердце желание «посоперничать» с самим Хафизом, знал его поэзию, поскольку в одном из стихотворений сборника «Оды и баллады» (1822) он использовал изречение Хафиза («Послушайте, я вам скажу душевные слова») в качестве эпиграфа.

Следует отметить, что в примечаниях к «Восточным мотивам» Гюго почему-то не упоминает имя Хафиза, хотя эпиграфом стихотворения «Султан Ахмед» он берет его слова: «О! Позволь мне очаровательная девушка, окутать мою шею твоими руками» . Интересно, что в начале этого стихотворения («Султан Ахмед») можно наблюдать прямое заимствование газели Хафиза «Агар он турки шерози»:

В Жуане Гренадина,
Которая всегда поёт и шутит,

⁶⁴ Хромов А.Л. Когда в Европе узнали Хафиза//Коммунист Таджикистана. - 1981. - 25 апреля.

Султан Ахмед сказал однажды:

«Я отдам без возврата

Свое королевство Мадине,

Мадине ради твоей любви»⁶⁵

Нет никакого сомнения в том, что этот зачин написан Гюго после его знакомства с известным бейтом Хафиза «Когда турчанку из Шираза своим кумиром изберу // За родинку её отдам я и Самарканд и Бухару».

На творчество Гюго оказали влияние не только идеи персидско-таджикских классиков поэзии. Он тщательно изучал (с помощью своего друга и наставника Э.Фуннэ) технику восточной поэзии. Хотя в «Восточных мотивах» больше заметно влияние греческой и испанской поэзии, тем не менее, Гюго, «искавший новые формы изображения мысли и чувств, нашел самые привлекательные средства их отображения в творчестве персидско-таджикских поэтов»⁶⁶.

В своем творчестве Гюго постоянно прибегает к контрасту, к преувеличению, к гротескному сопоставлению безобразного и прекрасного, смешного и трагического. Существенным положением «романтического манифеста», как часто называют предисловие к «Кромвелю», является требование местного колорита, *couleur locale*. Упрекая классицистов за то, что они изображают своих героев вне эпохи и вне национальной среды, Гюго требует передачи конкретного своеобразия того или иного времени или народа. Он придавал огромное значение исторической детали - особенностям языка, одежды, обстановки, хотя в его творчестве, надо сказать, правдоподобие «местного колорита» иногда вступало в противоречие с неправдоподобием тех моральных уроков, которые он стремился извлечь из истории; «правда-справедливость» была для Гюго выше исторической правды. Его интересовала прежде всего, метафоричность языка персидско-таджикских поэтов, соответствующая стилю западноевропейских поэтов - романтиков.

Именно активная учеба позволила молодому французскому поэту создать оригинальные произведения собственного творчества. Гюго черпал в персидско-таджикской поэзии те элементы, которые отвечали его потребностям и задачам, стоящим перед ним. На творчество французского поэта-романтика наибольшее влияние оказали Фирдоуси, Хафиз, Саади, а также такие персидско-таджикские поэты, как Аттар и Руми. В сказанном

⁶⁵ Шокир Мухтор Персидско-таджикская классическая поэзия во Франции. Душанбе: Деваштич, 2003. с.275

⁶⁶ Саямов Г. Т. Литературная традиции и проблемы художественного перевода (Сопоставительно-стилистический и типологический анализ). Дисс... д-ра филол Наук - Ташкент, 1982. с. 43

можно убедиться, обратившись к таким стихотворениям Виктора Гюго, как «Пленник» (1828), «Ноябрь» (1828), которые предваряют эпитафии, заимствованные из «Гулистана» Саади.

Любовь и привязанность, повышенное внимание Виктора Гюго к творениям Саади и других блистательных поэтов персидско-таджикской поэзии ощущается не только в его «Восточных мотивах», но и во всем последующем творчестве. Его стихи, написанные в тридцатые-пятидесятые годы, свидетельствуют о том, что поэт свои знания, обретенные в пору молодости, благодаря дружбе с Фуинэ, успешно использовал в процессе создания любовно-философской и гражданской лирики. «Восточные мотивы» Гюго, как бы оторвали его от ортодоксального романтизма и направили его творчество в русло прогрессивного романтизма. Примечательно, что в этом процессе благотворное влияние на него оказали персидско-таджикская поэзия в лице Фирдоуси, Аттара, Руми, Саади и Хафиза. Неслучайно Гюго с благодарностью вспоминая своих восточных наставников в многих своих стихотворениях, в том числе и стихотворении «Царь Персии».

В сборнике стихов «Восточные мотивы» заметно даже стилистическое стремление автора эмоционально подчинить европейских читателей восточным поэтическим эффектам, торжественности стиха. Гюго часто обращается к образу природы, которую воспроизводит в её подлинно космическом величии и царственном великолепии. Хотя термин «космизм» в начале XIX века практически не употребляли, Гюго подошёл к нему с романтических позиций ближе своих соратников по перу. Как результат, он часто прибегает к контрастным сравнениям и образам, таким, как звезда, луч, яркий свет, золото, сверкание, сияние, блеск - с одной стороны, и тьма, ночь, тень, мрак, сумрак, мрачная бездна, смутная даль, «пропасть без просвета» - с другой.

Если задаться вопросом: как ему могла прийти мысль воссоздать такой несколько условный Восток, то ответ следует искать в тех стилистических правилах и приёмах письма, которым он следовал как некоей теории и которые воплощал в произведениях ориентальной направленности. Это был не безотчётный порыв, а строго продуманное решение.

Именно благодаря такому подходу Гюго удались в «Восточных мотивах» живые сцены. Он любил перезвон слов, ему нравилось, когда они отбивали в его стихах, как он сам подчёркивал, дьявольскую чётку, перебрасывались неожиданными рифмами, чудесным образом сохраняя и число слогов, и ритм, и поразительную гармонию строфы. Декорацией ему служили солнечные закаты в садах Гренель. Из них он извлекал свое золото и огни. Его «собственный и,

вероятно, родной ему восток находился на улице Нотр-Дам-де-Шан. Приведём в качестве иллюстрации характерный пример из стихотворения «Мечты»:

За мною по углам роится мгла густая,
А я задумчиво смотрю в окно, мечтая
О том, чтоб там, вдали, где горизонт померк,
Внезапно засиял восточный город алый
И красотой своей нежданной, небывалой
Туманы разорвал, как яркий фейерверк⁶⁷

Обратившись от романтики средневековья к восточной экзотике, Гюго отдал «обильную дань» увлечению красочностью и живописностью того «видимого» мира, который встаёт в писательском, а, следовательно, и в читательском воображении. «Восточные мотивы» богаты новаторскими образами, красками и новыми многозначительными мыслями. Заметно, что поэта и писателя в одном лице глубоко и искренне интересовала не столько сама экзотика восточного края, сколько центральный идейный замысел.

Из поэзии Гюго на таджикский язык, по сегодняшний день переведены такие стихи, как «Кровавая битва» (Лахути) «Царь перси», «Фирдоуси», «Чадра» (Лоик). В этих произведениях Восток изображен так, будто сам автор был жителем тех восточных стран поэзия которых пленила его. В сборнике «Восточные мотивы» Виктора Гюго нет специальных стихов посвященных восточным поэтам, или же отдельных стихотворений, созданных по мотивам произведений того или иного автора Востока. Здесь, как и в других стихотворениях французских поэтов второй половины девятнадцатого и двадцатого века, четко ощущается влияние духа восточной поэзии и отдельных её представителей, т.е. он подобно классицистам и просветителям подражает не отдельным образцам или мыслям своих предшественников, а пытается выразить идеи и изображать действительность в духе восточных авторов.

Следует отметить, что на таджикский язык стихи из «Восточных мотивов» Виктора Гюго переводились не с оригинала, а с уже выполненных русских переводов. Они, к сожалению, ориентировались на русскую версию стихотворений, в которых, были неминуемы вольности, трансформации и отсебятины. Сравнивая русские переводы с переложениями, выполненных такими таджикскими мастерами поэтического слова, как Абулькасим Лахути и Лоик Шерали, даже не зная французского языка, невольно ловишь себя на

⁶⁷ Виктор Гюго. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Москва: «Издательство Правда», 1988. с.409.

мысли, что они гораздо точнее и ближе передают мысли и чувства автора оригинала. Объяснение этого нужно искать в том, что сама тематика стихов сборника «Восточные мотивы», образная структура стихов, насыщенная метафоричность, игра слов вытекающие из обращения французского поэта к творениям персидско-таджикских классиков, свидетельствует, что Гюго у персидско-таджикских поэтов заимствовал множественность и довольно точные метафоры. Чтобы наши наблюдения не выглядели голословными, обратимся к переводам нескольких стихов Виктора Гюго из его сборника «Восточные мотивы» на таджикский язык.

Одним из первых таджикских поэтов, обративших свой взор к стихам французского поэта, насыщенных восточной образностью и мотивами был замечательный поэт-переводчик Аслам Адхам. Им на таджикский язык переведены такие стихотворения, как «Горе пашшы», «Пленница», «Дервиш», «Рыжая Нурмагаль», «Джины», «Поэт халифу», «Ноябрь».

Сравнение перевода Аслама Адхама с русским переложением стихотворения «Джины» (к сожалению, мы не можем судить об его адекватности с оригиналом, но который получил положительные отклики в русской критике - А.А.) свидетельствует о том таджикский переводчик сохранил не только форму подлинника, но и стремился быть верным содержанию. Так, например, эпиграф этого стихотворения в переводе М. Лозинского с оригинала на таджикском языке звучит следующим образом:

ДЖИННЫ

E come i gru van cantando lor lai
Facendo in aer di se lunga riga
Cosi vid'io venir traendo guai
Ombre portate dalla deita briga.

Dante

Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песней в высоте нагорной,
Так предо мной, стеная, неся круг
Теней, гонимых вьюгой необорной.

Данте

(Перевод М. Лозинского)

Гўиё дар найза овезон турнаё,
Дода ово мепаранд андар само сӯи лануб.

Хонда маъзун пеши чашмам сояборе бигзарад,
Гуиё сур мекунад борони тундаш аз ғуруб.

Данте

Несмотря на то, что Аслам Адхам переставляет строки текста Гюго, в русском переводе, нарушая тем самым не только структуру, но и рифмовку стихотворения, замысел Гюго, от такой трансформации, все же не пострадал и нашел свое отражение в таджикском тексте.

Последующие строки стихотворения «Джины», демонстрирую несколько вольный подход таджикского поэта в переводе. Желая сохранить содержание оригинала, Аслам Адхам выбирает несколько иную строфику. Он выстраивает стихотворение различными по количеству строк строфами, также меняет и рифму. Иначе говоря, сознательно использует грамматическую и стилистическую трансформации, но при этом добивается близости перевода к оригиналу:

Порт сонный,	Суръати парвози худ болог гирифт:
Ночной,	Бандаи олудахобе
Плененный	Вақти шаб,
Стеной;	Гӯиё деворбаст
Безмолвны,	Аз ӯар тараф
Спят волны, -	Мавльӯо хомӯш,
И полный	Кам-кам лӯилвагар,
Покой.	Мутлақо оромӣ
	Андозӣ назар.

Станный ропот	Бас ғароиб гуфтугӯе
Взвился вдруг.	Омадӣ бар гӯш ногоъ,
Ночи шепот,	Ин пичиррасъои шаб
Мрака звук,	Ё нолаи шои сиёъ?
Точно пенъе	Чун суруди рӯъ
И моленъе	Бо андӯъ
Душ, в кипенъе	Меояд аз қаъри асрӯ,
Вечных мук.	Асрӯои пурлафо.
Звук новый льется,	Боз овози дигар хест,
Бренчит звонок:	Нағмаю оъанги дигар;

То пляс уродца,	Рақси бадруё бадандом,
Веселый скок.	Љастухези бесару бар.
Он мрак дурачит,	Њальв карда торикиро
В волнах маячит,	Медавад ру-рӯи даръё.
По гребням скачет,	Мезанад њаллос дар мављ
Встав на носок... ⁶⁸	Њӯги по истода бо ављ... ⁶⁹

А в переводе стихотворения «Рыжая Нурмагаль» («Нурмањали зардак»), по русскому источнику, Аслам Адхам стремился повысить эмоциональность его звучания. Это особенно чувствуется в последней строфе стихотворения:

РЫЖАЯ НУРМАГАЛЬ

No es bestia que non fus hy trobada.

{Нет такого дикого зверя, которого там не было бы.}

Хуан Лоренсо Сегура де Асторга

Но я смелей пошел бы в горы,
В лес этот дикий, в эту даль,
Чем к ней, чьи безмятежны взоры,
Чей добр и нежен лепет скорый, -
Чем к этой Рыжей Нурмагаль!⁷⁰

Ман њамерафтам ба он кӯњ бе њарос,
Љониби он њангали даррандагон,
Лек он сӯи ду чашми мурдахос,
Не ба сӯи гуфтугӯи биддирос, --
Дар бари Зардак Маѓал дар ду њањон!⁷¹

Аслам Адхам стремится точно следовать русскому тексту стихотворения, особенно в первой и второй строфах:

Меж черных скал холма крутого.
Ты видишь, -- роща залегла;
Она топорщится сурово,

⁶⁸ Виктор Гюго. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Москва: «Издательство Правда», 1988. с.404.

⁶⁹ Савтњои Ховар. (Баёзи осори шарќии шуарои Аврупо). Душанбе: Нашриёти «Ирфон». -1986. с.225

⁷⁰ Виктор Гюго. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Москва: «Издательство Правда», 1988. с.403.

⁷¹ Савтњои Ховар. (Баёзи осори шарќии шуарои Аврупо). Душанбе: Нашриёти «Ирфон». -1986. с.222

Как завиток руна густого
Меж крутых рогов козла.

Там, в темноте сырой и мгlistой,
Таятся тигры, там рычат
Шакал и леопард пятнистый,
Гиены выводок нечистый
И львица, спрятавшая львят...⁷²

Байни зову теппаъои кальмакаль
Як назар кун, лангалистон хуфтааст:
Рост мехезад ба сад ӯарӯумараль
Мушти мӯе, гӯӣ, байни токӯо,
Бузи чанбаршохро бинӯуфтааст.

Андар он заъхоки торику сиёъ,
Бабр пинӯон асту ӯар дам наъразан,
Њам шағолу ӯам паланги кальнигоъ,
Тӯдаи кафтор бинӣ дар панӯо,
Модашеру баччааш даъшатфикан...⁷³

Самым удачным переводом Аслама Адхама из «Восточных мотивов» Гюго, по нашему мнению является стихотворение «Пленница». В переводе этого стихотворения Аслам Адхам шел не от копирования слов подлинника, его труд - творческое осмысление идей оригинала. Структура его фраз отвечает требованиям русского стихосложения, предложения которые он строит на основе лексики В.Гюго, приближаются к разговорной речи, не отличаются большим подъёмом тона. Иногда он прибегая к вольности и специально наращивает строки, повышает тон, чтобы передать всплеск эмоций автора оригинала. Считаем уместным привести в качестве подтверждения сказанному несколько строф этого стихотворения в русском и таджикском переводах:

ПЛЕННИЦА

Перевод А. Ревича

⁷² Т Виктор Гюго. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Москва: «Издательство Правда», 1988. с.404

⁷³ Там же.

Щебет птиц был благозвучен, как стихи.

Саади. «Гюлистан»

В краю моей неволи
Мила мне эта даль,
Маисовое поле,
Волны морской печаль
И ярких звезд мильоны.
Но стены непреклонны,
И замер страж бессонный,
Чьей сабли светит сталь.

На что мне евнух старый?
Я и сама б могла
Настроить лад гитары,
Глядеться в зеркала.
Без грусти бы ушла я
К полям родного края,
Где, юношам внимая,
Была я весела.

И все-таки на юге
Светло душе моей,
В окно не рвутся вьюги,
И летний дождь теплей.
Здесь все подобно чуду,
И светляки повсюду
На зависть изумруду
Горят среди стеблей⁷⁴.

Асира

Ба лаъни мурғон ба сони шеъри ӯассон.

Саади

Маро хуштар зи лъон мешуд,
Њам аз шоми сиёъи тир,

⁷⁴ Виктор Гюго. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Москва: «Издательство Правда», 1988. с.408-409

Ва мављи баъри даролуд
Баққадди нахли ӯамчу тир,
Ва оташбозии ахтар, --
Намебуд посбон бар сар,
На он шофи каљу ханљар,
Асирї гар набуд дилгир.

Манастам зодаи кўњсор,
Диёри дури дуродур,
Маро ин даюси ғаддор
Намуд аз шавку шева дур.
На дар қасре, дар озодї
Калон гаштем бо шодї,
Љавононро ба шодобї
Мусоњиб будаву масрур.

Валекин сози љаззобї
Муњайё андар ин маъно,
На сардиву на кавсобї
Намебинем аз сармо.
Ба гармо сели он фораи
Ва кирми шабчароғаш ӯам
Кунад рахшандагї ӯар дам⁷⁵...

Другим переводчиком некоторых стихотворений Виктора Гюго из его «Восточных мотивов» является замечательный таджикский поэт, известный далеко за пределами Таджикистана Лоик Шерали. Его перу принадлежат переводы таких стихотворений, как «Чадра», «Фирдоуси», «Царь Персии».

Сравним стихотворение «Чадра» с его интерпретацией в переводе Лоика. В переводе Лоика нет ощущения чужого текста. Можно подумать, что оно изначально было написано не французским, а таджикским поэтом.

Текст перевода передает диалог между сестрой и братьями, которая говорит с ними умеренным и мягким голосом. В её словах и уважение, и почитание восточных нравов и обычаев и хотя она «отбивается» от

⁷⁵ Савтњои Ховар. (Баёзи осори шарќии шуарои Аврупо). Душанбе: Нашриёти «Ирфон». -1986. с.219-221

незаслуженных упреков и обидных вопросов братьев не восклицает, а чаще лишь вопрошает. Поэтому стихотворение звучит ровно и навеивает на грусть от чувства неминуемого страшного финала. Этот страшный финал прочитывается уже в эпиграфе «Молилась ли ты на ночь Дездемона».

Читая стихотворение «Чадра» в переводе Лоика мы ничуть не сомневаемся в его эквивалентности, ибо за перевод, какого бы стихотворения не брался Лоик, делал его на высоком профессиональном уровне, стараясь передать не только содержание, но и сам дух стихотворения, биение сердца автора оригинала, движение его мысли и чувств:

ЧАДРА

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Шекспир

Сестра:

Что, братья, стало нынче с вами?

Легла забота на чело,

И, точно траурное пламя —

Глаза сверкают тяжело;

Вы пояса почти сорвали

И много раз, видала я,

Наполовину обнажали

Своих кинжалов лезвия.

Старший брат:

Не подымалась ли вчера чадра твоя?

Сестра:

О, я из бани возвращалась,

Из бани возвращалась я,

От глаз гяуров укрывалась,

Лицо в густой чадре тая;

Но душны наши паланкины,

Я от жары изнемогла

И лишь на миг, на миг единый,

Лишь край чадры приподняла.

Второй брат:

А там мужчина был? глядел из-за угла?

Сестра:

Да... кажется,... но дерзким взглядом
Меня коснуться он не мог!..
Вы шепчетесь? Вы встали рядом!
Ужель меня постигнет рок?
Вам крови надо? О, за что же?
Клянусь, меня не видел он!
Ужель сестру убить без дрожи
Жестокий вам велит закон?

Третий брат

Гляди: он весь в крови — закатный небосклон!

Сестра:

Нет, пощадите! Умоляю!
Ах! в грудь — четыре лезвия!
Я вам колени обнимаю!
Чадра моя, чадра моя!..
О, поддержите! Нету силы!
По пальцам — крови жаркий бег!
Темно в глазах... чадра могилы
Спустилась у бессильных век.

Четвертый брат:

И этой не поднять тебе чадры вовек!⁷⁶

Перевод Г. Шенгели

Чодар

Шом оё ибодат карді, Дездемона?

Њамшира:

Бародарњо, чи авзоест ин дам?

⁷⁶ Виктор Гюго. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Москва: «Издательство Правда», 1988. с.411.

Ба пешониятон осори ғамњост.
Ба сони шўълаи андўњу мотам
Гарон дар чашматон барќе њувайдост.
Басо дидам, шумо банди камарро
Бикандеду ба ќасди љони хоњар
Кашидед аз ниёми хеш ногањ,
Ба хашми оташине ними ханљар.

Бародари бузург:
Ту дўш оё намудї рух зи чодар?

Њамшира:
Худоё! Боз мегаштам зи њаммом
Куљо чодар зи рух бардоштам ман.
Нињон аз чашми кофирњои гумном,
Рух андар зери чодар доштам ман.
Вале дар њалќаи танги гиребон
Нафасгардон шудам аз тафси гармо,
Аз ин рў як даќиќа, балки як он
Кушодам гўшаи роњи нафасро.

Бародари дувум:
Ягон марде надид оё рухатро?

Њамшира:
Аљаб не... Лек он чашмони густох
Расидан њелъ натвонист бар ман.
Шумо фич-фич чї мегўед бебок
Маро доред оё ќасди куштан?
Касе зинњор рўямро надидаст,
Чунин пас ташнаи хунам чароед?
Ба њукми ќонуни берањм барќасд
Наход аз тан равонам мерабод?

Бародари савум:

Нигар, самти ғуруб -- оғуштаи хун!

Њамшира:

Тавалло мекунам! Рањме биёред!

Ба сина чор теѓи додари ман!

Ба побўси шумо меафтам, оре -

Гуноњи ман, гуноњи чодари ман!

Мадад созед боре! Бемадорам.

Зи нўки панљањо хунам равнон аст.

Сияњ шуд пеши дида... чодари марг

Ба рўяш густурида љовидон аст...

Бародари чањорум:

Ту ин чодар дигар натвонї бардошт!...⁷⁷

Перевод на таджикский язык был осуществлен Лоиком с русского, играющего в данном случае роль посредника. Несмотря на это, таджикскому поэту удалось с достаточной степенью достоверности воспроизвести идеи и образы великого оригинала. Отдельные отрывки в его переводе воспроизведены с предельной точностью и художественной убедительностью. Следует отметить, что Лоик находчиво использует архаичную лексику, тонко и ненавязчиво передающую малейшие оттенки и нюансы мысли оригинала — для этого им избираются нужные слова, просторечия которые, не загружая оригинал, придают ему тот оттенок величавости и торжественности, которыми отличается язык поэзии Виктора Гюго. Следует отметить, что как переводчик, поэт Лоик оказался на, должной высоте, мыслью и интуицией настоящего поэта воспринимая мир идей, образов и характеров Гюго.

⁷⁷ Савтњои Ховар. (Баёзи осори шарќии шуарои Аврупо). Душанбе: Нашриёти «Ирфон». -1986. с.229-231